

Тема семинара:

Ценности, мышление, наука: генезис и динамика форм. Миропознание и миростроительство

Доклад:

МИРОПОЗНАНИЕ И МИРОСТРОИТЕЛЬСТВО
(ЦЕННОСТИ, ЗНАНИЕ, ДЕЙСТВИЕ: ГЕНЕЗИС
И ДИНАМИКА ФОРМ)

*А.И. Неклесса, заместитель генерального директора
Института экономических стратегий при Отделении
общественных наук РАН*

Задача заседания — обсудить обозначенную в его теме проблематику: в частности, связь ценностей и мышления, мировоззрения и миростроительства, приблизившись, по возможности, к проблемам и делам наших дней, причем сделать это, если и не совсем уж сжато, коротко (четырёхчасовой регламент сегодняшнего заседания, судя по всему, позволит обсудить тему достаточно подробно), то, желательного, основательно и последовательно, начав рассмотрение темы, что называется, *ab ovo*.

Почему для первого заседания были выбраны столь емкие категории и проблемы, а разговор инициирован с самого общего их рассмотрения? Данная позиция, несмотря на свою внешнюю простоту, достаточно многозначна и принципиальна для дальнейших форм реализации проекта. Ибо, что есть «общее рассмотрение»? Существуют, скажем так, две модели деятельности, к примеру, строительства здания. С житейской точки зрения, мы представляем строительство как последовательность действий от частного к общему: рытье ямы, подвоз кирпича и цемента, подвод коммуникаций и производство, в конечном счете, некоего результата — создание дома.

Все так, но это ли основная и тем более исчерпывающая часть процесса? Однако же подобный стереотип действует

не только в отношении материальных объектов, но подчас и в конструировании нематериальных интенций. Между тем этот стереотип, как минимум, вводит в заблуждение (чтобы не сказать, что он вообще ошибочен). Даже дома, да, даже здания строятся все-таки «с крыши», начиная с замысла, бюджета, чертежа, проекта: т. е. от общего — к частному. И с определенным целеполаганием — т. е. в рамках антропологической, социальной, «инженерной» инфраструктуры и вынесенного в будущее смысла подобной деятельности

Подобного рода уточнения нередко производят впечатление избыточности, «гарнира», отвлекающего от «конкретного» дела, однако с определенной позиции данный «гарнир» подчас оказывается «основным блюдом». Другими словами, выбор того (а) или иного (б) подхода оказывает непосредственное воздействие на последующий успех или провал мероприятия, на результаты выполнения той или иной программы.

В каком-то смысле именно это и есть предмет нашего разговора.

* * *

Происхождение человека остается туманным для современной науки, и этого вопроса мы касаться не будем, то же относится к вопросу о генезисе ценностей и мышления. Отмечу лишь комплексную (сложную, противоречивую) природу человека: соединение в нем/ней страсти и альтруизма, грехов и добродетелей, доблести и коварства, смутное соединение в различных пропорциях добра и зла. Но прочтение ряда этих категорий не вполне совпадает в различных обществах, разнится, и местами — существенно. Ценности человеческого существа — одновременно фундаментальны и конъюнктурны, устойчивы и динамичны, схожи и различны. И если мы посмотрим в глубь истории, то можем увидеть весьма радикальные расхождения.

Более того, мы увидим комплексность самого человека и образуемых им сообществ. Оставив, как я уже сказал, за

скобкой туманность происхождения *homo sapiens*, ограничим разговор ценностями социального человека. Я бы выделил три составляющих:

- а) биологическую, связанную с ценностями физического существования (забота о потомстве и т. п.), — имеющую родство с другими живыми существами и мало меняющуюся на протяжении истории;
- б) идеальную, которая на первый взгляд также мало подвижна (удивительно, что в различных обществах в различные времена проявляются достаточно схожие идеальные категории, хотя девиации в понимании идеального порою не менее поразительны);
- в) социальную — ценности человеческого общежития, группа наиболее динамичная и изменчивая.

Одно из самых ярких, но социально детерминированных разночтений систем ценностей обнаруживается при сравнении современного реестра ценностей и ценностей, скажем, так называемого «долинного общества», социосистемы экологически закрытого типа.

Это не обязательно должна быть закрытая от внешних контактов долина, но может быть, к примеру, остров: места, инвариантом которых в той или иной форме является весьма специфический свадебный подарок: голова другого человека. То есть в этих краях выжить может лишь определенное количество людей, поэтому право «родить» основывается на императиве «убить». Или, например, ценностная система, присущая той или форме каннибализма, или ценностная система, включающая в себя ритуал человеческих жертвоприношений. И т. д.... Короче говоря, рассуждение о гармоничном диалоге различных обществ, с точки зрения равноправия присущих им «традиционных систем ценностей», таит в себе немало ловушек.

Совокупность ценностей и мышления определяет картину мира, мировоззрение, а применительно к практике — ту или иную ориентацию и формы миростроительства.

М. Нестеров. Философы

* * *

Следующая позиция сегодняшнего разговора — знания, наука, которая есть одна из форм знания, а знание, в свою очередь — одна из манифестаций мышления. Формы мышления могут радикально различаться и, как представляется, в обозримой истории можно выделить несколько принципиально различных форм его организации.

Первая форма, о которой — надо это прямо сказать — мы имеем весьма отрывочные сведения и, тем не менее, можем в какой-то мере ее реконструировать, в том числе изучая патологические и предельные состояния психики, а также изучая под определенным углом зрения археологический материал. Это рефлекторное мышление («антургенция»). Некоторое время назад в прокате был не пользовавшийся, правда, особым успехом фильм «*Memento*». Популярным он не стал, в том числе и потому, что был сложен для восприятия по своей конструкции, ибо его целью было как раз продемонстрировать особую форму мышления у современного человека, пребывающего в патологическом состоянии: у героя была серьезно повреждена оперативная память. Иными словами, он помнил события в течение нескольких минут, десятка минут, быть может, чуть дольше, а потом напрочь их забывал. Его существование, как бы тут точнее выразиться, — было *дискретным*.

Предположительно у весьма древнего человека был аналогичный в чем-то важном тип мышления. И, будучи не в силах удерживать в сознании пространственно-временную карту мира, он был вынужден прибегать к перманентной автокоммуникации посредством разного рода знаков и зарубок, оставляемых на собственном теле и в окружающем мире.

Так получил развитие «деятельный символизм», преобразуемый — с усложнением и постепенным отчуждением коммуникации от своего создателя — в разветвленный (диверсифицированный) знаковый аппарат. Иначе говоря, семантике предшествовала семиотика, представлявшая,

в сущности, широчайшую палитру «узелков на память» (ср. соответствующую систему письма). Но, кроме того, совокупность собственных и чужих знаков, аккумулирующих разнообразное знание, посылаемых изначально человеком самому себе, впоследствии прочитывались также и как символическое обращение (сообщения: мира? природы? иных, невнятных сил?) к самому человеку.

При этом «автопослания», по-видимому, смешивались с разного рода внутренними озарениями, нараставшей интенсивностью, интегральностью и символизмом сновидений, иных форм психической активности, а также — откровением. Подобное экзистенциальное восприятие реальности отражало чрезмерную рефлекторность сознания, сопровождаемую постоянными провалами памяти, дефицитом «больших смыслов», заполняемых текучими фантазиями, и неизбежной при подобном состоянии ума бессвязностью бытия, т. е. оно свидетельствовало о полуживотном статусе, — мы оценили бы его сейчас как особый род безумия.

На древнейших, хтонических божествах отчетливо видна эта роковая тень алогизма, хаоса и безумия; не творческая личность, а именно хаос, прямо ли, косвенно, признается «ранними летописцами» — творцами мифов, изначальной субстанцией, своеобразным дном космогонии, «первичным бульоном» жизни. В сущности, древнейшая память скорее осязательна, нежели зряча, проявляется «в ощущении», а не «в озарении», она скорее ритуальна, нежели мифологична. В данном процессе, возможно, таится один из могучих источников символического мышления вообще и его специфической рациональности, деятельного категориального аппарата: ритуального, «одномерного (точечного)», символического (а впоследствии — по мере удержания и связывания обрывков деятельной рефлексии в процессе их повторного осмысления уже «в новой (синхронистичной) упаковке» — и мифологического). Подробнее, однако, на этом этапе мы останавливаться не будем.

* * *

Перейдем к следующей фазе организации (генерации) мышления и соответствующей ему форме «упаковки» знания. Типологии мышления, гораздо более устойчивой и широко представленной в истории, проникшей также в современность, но не вполне оцененной в своей оригинальности и особенно — в *специфической его рациональности* как средства познания мира, оригинальной фиксации причинно-следственных связей. А подчас просто смешиваемой с так называемым «художественным мышлением».

Этот тип мышления определим как *синхронное*. Или, быть может, чтобы подчеркнуть специфичность, следует назвать его «синхронистичное мышление».

Появление данной формы рефлексии означает преодоление рубежа дискретности, рефлексорность мыслительного аппарата, возможность устойчивых связей с окружающей средой и людьми, удержание той или иной, но *целостной* конструкции мира. Особую роль на данном этапе играет относительная неизменность звездного неба («атласа»), суточный и годичный круг («календарь»), а также определенные физиологические циклы. Совокупная кодификация картины мира проявляется в появлении сложных объектов, инвариантом которых является тот или иной тип целостности: мудра, мандала, сема, иероглиф. Связанность отдельных значимых фрагментов позволяет сделать шаг от ритуала к мифологии, а затем к ее фиксации в различного рода комплексах, синхронно-диахронных системах образов, включая толкования забытого и отошедшего, но опознаваемого как значимые элементы совокупного деятельного бытия.

Исцеление от состояния рефлексорности и дискретности порождало одновременно страх утраты обретенной целостности (исцеления): отсюда избыточность организации жизни, детальная регламентация функций, касты... Археология и история сохранили нам множество проявлений данной формы мышления: картографии мира, построенной не на географиче-

ческой, а на метафизической и, в определенной мере, социальной основе. Подобная организация мышления, естественно, обладала иной геометрией социальных ориентиров, заметно отличным от нашего хронотопом.

Становление этого «замкнутого» хронотопа происходило весьма специфичным образом: люди, дабы избежать беспамятства и безумия, избавиться от преследующих призраков прежнего, расколотого мира, стремились удержать и каталогизировать прошлое, ища опору, «скрепу» бытия в некоей изначальной точке. Человека той далекой поры навязчиво интересовали истоки мира, общая гавань происхождения вещей; при этом он намеренно поворачивался спиной к будущему, чреватому разрушением обретенной устойчивости и потому воспринимаемому как опасное пограничье — внешняя окраина, маргинальная периферия. Чтобы не быть голословным, приведу два примера: в древнем, аккадском языке категория «прошло» — *ит рапi* дословно означает «дни лица/переда». Другими словами, для человека того времени прошлое — это генеральное направление его мысли, «направление взора». А вот будущее — *ahratu* образовано от корня *hr* со значением «быть позади». Иначе говоря, будущее воспринималось как маргинальная территория, а основой бытия являлось прошлое.

В то ускользяемое, то удерживаемое прошлом, впрочем, присутствовало свое — с усилием прозреваемое, по крупичкам выстраиваемое — псевдобудущее: мифологический горизонт событий. И населяли (охраняли) это «рукотворное» пространство сверхлюди прошлого — могучие прародители. В «дневном» же мире будущее не имело образа, ведь облик (имя) годам давали события. Оно ощущалось скорее как несовершенная субстанция, «незавершенное бытие», необработанный камень, — т. е. как нечто дикое, пугающее, варварское, — его заклинали и огораживали. Человек совсем не стремился попасть в эти призрачные, несуществующие времена, его там ждали потери, увечье, смерть. Будущее мыслилось как пространство, абсолютно неподконтрольное

людям и полностью находившееся во власти других, причем весьма значительных сил. Будущее — это «далекий Запад», оно являло сужение бытия, его предел, пресечение, последнюю границу, бескрайний океан — а не простор действия. Одно из названий будущего на аккадском языке — «дни, что опаздывают». Быть может, здесь истоки того странного безволия в критических обстоятельствах, порой охватывающего тех, кому приоткрылись гипотетические обстоятельства их смертного часа («чему быть, того не миновать»).

При этом время было конкретно, потому множественно и разнолико, локально и вещественно. Не только каждый сезон или день, но даже часы («стражи») имели собственный облик. Однако вне русла больших смыслов все это разнообразие оставалось в значительной мере иллюзорным и механистичным: неспешно перемалывая зерна жизни, перечисляя, регистрируя случившееся, время, в сущности, не вело никуда. В рассеянной пассивности бытия время определялось не новизной, не «проектами», а повседневностью, событиями. Времени, в сущности, и не было, был «срок». Можно, пожалуй, сказать, что генезис архаичного хронотопа — отчасти присутствующий в человеческом сознании и сегодня — в чем-то важном сродни архитектонике сновидений, плавно переходившей из путаницы плохо вспоминаемых обрывков чего-то важного и яркого в архитектуру сложного (ложного) пространства лабиринта. Но лабиринт одновременно символизировал, «обозначал» деятельный (путеводный) разрыв замкнутого в безвремя пространства мандалы: от космоса-некрополя прошлого к городу-«единению различных», к разноязыкому *portus*'у. Отсюда лабиринтообразный символизм первгородов (и сложность проникновения за городскую черту — ср. описание в «Одиссее» проблем, связанных с проникновением в Троию).

В результате причинно-следственная логика событий носила «горизонтальный» (синхронный) характер: все *события* были так или иначе связаны, и связь могла осознаваться как нечто более важное, нежели само событие, порой

воспринимаемое отстраненно, как знак. О переменах и грядущих делах подчас надежнее было судить по косвенным признакам: приметам или аналогиям; нам знакомо это состояние ума, мы называем его суеверием.

Страх перед возвращением в «мир разрыва» предопределил генезис культуры жертвоприношений «удерживающим» мир силам. Он же порождал специфичное отношение к инноватике, да и к проблеме любого «расширенного производства». К новизне и инакости. К проникновению чужих систем ценностей. Наконец, к самим инноваторам, *трикстерам*, которые, фактически, занимали в обществе то же социальное пространство, которое в современном мире принадлежит *пре-ступникам*, т. е. людям, переступающим некую запретную черту (основой же общества полагались стабильность, баланс и равновесие).

Кстати говоря, строительство водохранилищ, ирригационных сооружений, зернохранилищ, пирамид, зиккуратов служило этой же цели, и это было осмысленное действие. В период «семи тучных коров» нужно было куда-то складировать избыточную энергию, чтобы она не уходила в рост населения или нарастание социальной активности. И наоборот, когда приходило время «семи тощих коров», имелись средства для поддержания необходимого баланса и купирования социальных турбулентностей. Забегая несколько вперед, отмечу, что на протяжении всей человеческой истории состязаются два ритма: (а) синусоидальный ритм воспроизведения баланса, поддержания неизменности традиций и (б) другая, векторная динамика, усложненная к тому же фазовыми переходами — всегда чреватая трансценденцией сложившегося порядка, преступления через черту, ведущая также к расширенному воспроизводству, к росту населения, к разнообразной инноватике...

* * *

Следующая форма сознания — мышление логическое и векторное. Это нить Ариадны, выводящая человека из ра-

зомкнувшей свои объятия древней мандалы, обращенной в аутопоэтическое пространство лабиринта. Данный тип мышления вполне знаком и привычен, он существенно повлиял на облик сложившейся на планете цивилизации.

С этим типом мышления и его развитием тесно связано понятие «осевого времени». Где-то, начиная приблизительно с VIII в. до Р.Х., в Средиземноморской Ойкумене происходят весьма серьезные изменения. Развивается иной причинно-следственный взгляд на мир: эзотерический и категориальный, рождаются новые формы устойчивой рефлексии: такие, как философия и наука. Не буду на этом особо подробно останавливаться, потому что эта тема подробно изложена в предложенных вашему вниманию материалах к семинару, но несколько слов все-таки скажу.

Мы видим ускорение динамики этого типа мышления прежде всего на примере Древней Греции, совершившей исторический прорыв. Человек противопоставил фатуму и року собственное дерзновение, *гибрис*, получив в ощущении нечто иное — свободу. От мифопоэтической

непосредственности восприятия мира человек совершил транзит к опосредованному знанию и рациональному познанию окружающей его реальности. Хотя, возможно, в этом поступательном процессе была также пройдена развилка, отчуждавшая человека от апофатического мировосприятия и Откровения. Иначе говоря, вместе с преодолением рока была также отчуждена идея восхождения

Учитель со свитком.
Древнегреческая вазопись

от мифологического прочтения мира к апофатике и соответствующих форм практики, основывающихся на идее промысла (путь, реализованный историческим подвигом в другой части Средиземноморья, другим народом: еврейским).

Итак, катафатический путь «нисхождения» от мифологического мышления к логическому, от всеобщего нерасчлененного, от «драгоценной целостности» к индивидуальному и проясненному логическим инструментарием сознанию был реализован в Древней Греции.

Была создана не просто наука, а даже нечто более грандиозное — категориальный аппарат, превративший предметы и вещи в нечто иное — понятия и отвлеченные категории, создав из гармонии как деревянной скобы, удерживавшей мачту, гармонию, как мы понимаем это слово, ставшее понятием, сегодня. Пространство ментальной рефлексии обрело в результате собственную динамичную картографию, которая в отличие от географии сакральной стала практической аппликацией к каждому конкретному случаю, своего рода «моделью для сборки» (или, используя не вполне адекватную историческую аналогию, — переходом от иероглифической формы письма к алфавитной).

От сновидений разума, в которых смешивался мир богов и людей, равноучаствующих в земных событиях, через мучительную индивидуацию Одиссея был пройден путь от панибратства и титанизма сначала к познанию законов рока (Прометей, Сизиф, Тантал, Эдип), к космологическому деизму и рождению философии как системной рефлексии о мире на основе тех или иных категорий (в понимании и Фалеса, и Пифагора).

Философия «обезличивала» звездный атлас, а «рациональная мистичность» числовых экзерсисов постепенно устраняла эзотеризм календаря и круговорота событий. Эпистемология становилась своеобразной *третьей реальностью*: «картой рассуждений», постепенно отодвигающей «карту бытия». София становилась ремеслом, а человек —

мерой вещей, что, однако, навлекало новое безумие тотального релятивизма, опьянение возможностями разума, оторванного от бытия, — порождая «эвристическое бешенство» софистики. Это была иная дерзость, нежели приоткрывал нам Гомер: открылась возможность размышлять о вещах безотносительно к их состоянию, когда доказательность и влияние имели большее значение, нежели утверждение и определение. Антропологический релятивизм, софистика, присущие ей субъективизм и релятивизм, новый регламент умственного действия: влиять, а не определять где-то намекают нам на будущие возможности как идеологии, так и политтехнологии. Вопрос заключался в следующем: что все-таки важнее для человеческого разума — понять или утвердить...

Скепсис Сократа, однако, поставил препоны на данном пути, противопоставив умозрительному дерзновению смиренную созерцательность, провозгласив, что рациональное познание возможно именно потому, что ум знает свою ограниченность и вынужденно создает арматуру знания... Следствием смещения амбиций и разочарований была и атомизация — ни от мира сего, ни от мира горнего — киников (Диоген), и претворение ограничений в разделение сферы разума от высшей метафизики, очерчивание сферы разума как контура реальности (Платон).

Но наличие арматуры предполагало создание, как минимум, каркаса, а как максимум, — возведение здания: последовательное обретение истины разумом как действие опосредованное, а не непосредственное, множественное, но непротиворечивое, использующее логику и опознаваемую ею непротиворечивость как критерий истины. Истина постигалась на этом пути через полноту знания, понимаемую как сумма сведений, а сложность — как комплексность, проясняемая по мере прохождения через фильтры (ограничения) аксиом, препятствия теорем и устойчивость таких волнорезов, как категории, образуя новую целостность — античную науку, в свою очередь, подразделяемую на фило-

софию (умозрительные объекты), практику (социальные явления) и технологию (умения, искусность). Но вместе из соприкосновения с миром природы и человеческих потребностей вся эта мощь нового сознания рождала производные от эмпирики (в диапазоне между Эвклидом и Эратосфеном).

* * *

Отвлекусь немного в сторону от сквозного сюжета, дабы привлечь внимание к местоположению в системе человеческого бытия практики миростроительства. Утверждение мировоззрения, т. е. сопряжение определенных ценностей с определенной формой мышления, происходит не в стерильной зоне одинокого человеческого существа, но в энергичном, наполненном страстями и другими энергиями пространстве практики.

В процессе этого взаимодействия в русле этики происходит рождение социальной концептуалистики и соответствующих норм общежития. Иначе говоря, мировоззренческая формула производит не только категориальный, но и социальный, правовой нормативный аппарат, который определяет функционирование антропологической организации, превращая ее в организацию социальную, что выражается в таком центральном номоканоне, как писаная или неписаная конституция. Отсюда проистекают политические, экономические следствия, в свою очередь, реализуемые в доктринах, концепциях и стратегии действия. Почему это так важно осознавать? Занимаясь сегодня проблемами практики, приходится сталкиваться с культурными вариациями, нелогичными, затруднительными, а порой прямо-таки «неразумными», если не учитывать их мировоззренческую основу.

Приведу лишь один пример: исламская банковская система, где вообще-то запрещено взимание процента (и это уже большой вопросительный знак), но и более того — существует понятие «отрицательного процента» — 2,5% от прибыли,

которые направляются на благотворительную деятельность. А, кроме того, вкладывая деньги в банк, человек интересуется не только прибылью, но и на какие цели будут направлены его деньги. К примеру, их нельзя использовать для производства спиртных напитков или иные недостойные цели. Это некая «идеальная культурная модель», которая, однако, имеет те или иные формы реализации в повседневной практике.

В результате оказывается, что некоторые формулы практики, представлявшиеся универсальными, таковыми не являются. А другие, подчас практически списанные в архив универсалии, могут оказаться чем-то большим, нежели «фундаменталистская причуда». Как, кстати говоря, в ряде стран происходит с пресловутым ИНН...

* * *

Следующая формула мышления, которая исторически свидетельствована, оказалась не только весьма сложной для усвоения человечеством, но и для ее восприятия, понимания ее непростой, антиномийной специфики. Это синергичное мышление.

Существует исторический порог, который некогда преодолело человечество. Он связан с началом христианской эры, ставшей радикальной новацией по отношению к миру традиционному. Люди новой эпохи хорошо сознавали это, называя себя *moderni*, чтобы отличить от обитателей прошлого, ветхого мира — *antiqui*¹. (Позднее, однако, понятие

¹ «Согласно Гарнаку, обобщившему верования этих ранних христиан, они были убеждены, что —(1) наш народ старше мира; 2) мир был сотворен ради нас; 3) жизнь мира была продолжена ради нас: мы отсрочили суд над миром; 4) все в мире подвластно и должно служить нам; 5) нам открыто все в мире: и начало, и течение, и конец всей истории, для наших глаз нет ничего сокрытого; 6) мы примем участие в суде над миром, а сами вкусим вечное блаженство». Но главное убеждение ранних христиан состояло в том, что это новое общество, раса или народ были учреждены Иисусом Христом, который является его законодателем и Царем» (Христос и культура. Избранные труды Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура. М.: Юрист, 1996. С. 48-49).

Модерна приобрело иную акцентуацию, фиксируя отличие Нового времени от Средневековья, а в истории культуры получило со временем даже третий смысл).

Общество, возникшее на этой грандиозной строительной площадке, называлось по-разному: христианская, или европейская цивилизация, или просто современная цивилизация, «наша эра». Откуда же взялись поразительные по размаху и следствиям творческие возможности, позволившие за сравнительно недолгий исторический срок преодолеть скудные времена, радикально преобразовав стиль жизни и облик планеты? Разница заключалась в том, что в мире появилась человеческая личность, осознающая свой «образ и подобие» Творцу, творящему нечто из ничего, и претендующая «стать по энергиям тем, чем Творец является по существу», личность, освобожденная от дурной бесконечности ранжированного бытия и норм поведения, расплывчатых до мелочей.

Новое мышление появляется с развитием и самоосознанием, самопостижением новой культуры, отточенным в ходе Вселенских Соборов и проявленным прежде всего в тринитарном богословии и христологии. Развитое в катафатическом и апофатическом богословии, проявившееся во множестве культурных форм от *leys d'amors* (миннэ) Прованса до византийского исихазма.

Надо сказать, что в данной исторической ситуации как никогда проявилось сосуществование различных форм мышления, взаимовлияющих, но сохраняющих внутреннюю специфичность. Другими словами, прежние коды мышления продолжают существовать после обретения и распространения очередной формулы трансценденции мышления, но именно в XX в. проблема синергийного типа мышления обретает особую актуальность.

Код этот, как я уже упомянул, строится на некоторой антиномийной конструкции, объединяя человеческое целеполагание с опознанием промысла в той или иной ситуации, причем новая рациональность носит непростой характер,

основываясь отнюдь не на линейной логике Аристотеля, а предполагая гораздо более сложный характер «Первопричины». Активно развиваясь во времена Вселенских соборов и нескольких последующих столетий, она, однако, подверглась серьезному испытанию в начале II тысячелетия, когда возникает такой феномен, как городская культура и умственное производство, «свободные искусства» оказываются востребованы как ремесло (мастерство). Университетская культура и последующие формы организации знания будут, надеюсь, предметом подробного разговора на следующем семинаре, сейчас же отмечу следующее: в связи с проникновением в Европу аристотелизма, причем в аверроистской его трактовке, проблема организации знания приобретает необычайно острый характер. В конце XIII в. в Парижском университете проходят две масштабные дискуссии по данному вопросу, имевшие следствием рождение науки в современном ее понимании. Действительной логике Аристотеля о непротиворечивости как критерии истины была противопоставлена иная позиция: испытания реальности в качестве такового критерия. Ход рассуждения был следующий: логика всемогущего и свободного Творца превосходит логику человека и не всегда ему доступна (Книга Иова). Поэтому познать истину посредством данного нам разума мы можем, прибегая (помимо Откровения) к испытанию творения, ибо, будучи создано Творцом, оно открывает Его мудрость и замыслы, приближая нас к истине и развивая разум.

Однако линейная логика оказалась слишком эффективным средством. И, проиграв богословский спор, она выиграла практику, приведя, правда, при этом порожденную ею цивилизацию к серьезному кризису познания и действия. Кроме того, со временем изменилось само направление научного поиска: от отыскания истины оно сместилось к производству эффективных инструментов и решений, к *использованию* так или иначе обретенного знания.

В чем все-таки была привлекательность аристотелизма? Главным образом в том, как я уже сказал, что они были весь-

ма эффективны. И дело даже не в том, что логика Аристотеля внятна, она чрезвычайно удобна и для человеческого мышления, и для практического использования, она не требует постоянного удержания великой сложности бытия и целей человеческой жизни, соразмеряя повседневные действия с метафизикой бытия. Упрощая мысль, она упрощает нам жизнь, и мы склоняемся к этому упрощению...

Аристотелизм рассуждал следующим образом: истина логична, Бог действует ясным образом, и, собственно, это не Бог, а перводвижитель, который лишь дает некий импульс, и, создавая непротиворечивую систему, мы открываем истину. Все продолжалось более-менее результативно и последовательно до XX в., когда открывшиеся свойства творения и наше сознание, коды мышления перестали совпадать. Началось с квантовой физики, но вскоре вскрылось слишком много несовершенств также в других областях, связанных с миропознанием и миростроительством.

* * *

Итак, человек обнаружил, что его мыслительный аппарат не соответствует той реальности, в которой он существует.

И сама наука предьявила тому доказательства, возродив потребность в деятельном мышлении, способном удерживать антиномии и сложные, слишком сложные для сознания современного человека конструкции из различных областей практики. В ряде областей знания возникла потребность в конструкциях, развивавшихся в рамках синергического мышления, апофатического богословия, практики исихазма...

И здесь поразительная схожесть с тем, что развивалось в рамках тринитарного богословия, развивалось в такой форме его организации, как исихазм. Там исследуются те же самые явления, основанные на другом наборе понятий, но которые мы можем переводить с одного языка на другой. Скажем, апофатичность. Апофатическое мышление.

Подобное мышление оказывается оптимально приспособленным для исследования таких явлений, как хаосо-

сложность, самоорганизующаяся критичность, управление в ситуациях неопределенности и т. п. В приблизившемся к нам вплотную (пост) современном мире, в мире влиятельных нематериальных активов и новых форм практики такие проблемы, как мировоззрение и миростроительство, системы ценностей и мышление представляют не только академический, гуманитарный или богословский интерес, они на сегодняшний день весьма социализируются и являются очень практическими темами. В качестве парадоксального примера привел бы лишь один эпизод. Наум Хомский, описывая свою деятельность в Массачусетском технологическом институте, рассуждал по определенным причинам о роли Пентагона в финансировании тех или иных исследований и не только проблем семантики и лингвистики, но также... теории музыки. Пропуская некую логическую цепочку для экономии времени, упомяну лишь, что, к примеру, первая иракская война велась на основе рефлексивного управления событиями, равно как и вторая война там же велась также с использованием инновационных методов действия в новом динамичном мире... Думаю, в ходе будущих семинаров мы еще не раз вернемся к подобным ситуациям, рассматривая их в различных аспектах, в том числе и с точки зрения ведущихся в мире поисков оптимальной методологии принятия эффективных решений.

Теперь же перейдем непосредственно к рассмотрению различных аспектов миростроительства нынешней, заметно более сложной социальной среды — складывающегося на планете постсовременного мира.

Актуальное социальное действие: пришествие постсовременного мира

Где, однако, пролегают края новой эпохи, которую мы достаточно невнятным образом обозначаем как *постсовременность*? В основе переживаемого человечеством глобального транзита лежат глубокие, не вполне познанные и